

Усыня

Сам с ноготок, борода с локоток, усы по земле тащатся , крылья на версту лежат

Жил-был царь; у него было три сына: один Александр-царевич, другой Николай-царевич, третий Иван-царевич. У царя была любимая яблоня, листики серебряные, а яблочки золотые. Повадилась Усыня ходить, золотые яблочки срывать и самую яблоню из корня подрывать. Царь заметил это, очень огорчился. Собрал сыновей и говорит: «Сыновья мои хорошие! Если вы меня любите, то отыщите, кто у меня в саду яблочки срывает и яблоню в корню подрывает!». Старший сын и пошел яблоню караулить, взял книгу и ружье. Сидел он до двенадцати часов, уснул и ничего не видал. Пришел этот царь, их отец, и увидал, что яблоня еще больше оборвана. Потом пошел средний сын караулить. И этот уснул и не видал Усыни.

На третью ночь пошел Иван-царевич; сперва отец не отпускал, потом отпустил. Пришел, сел под яблоню, видит, прилетела Усыня, стала яблоню из корня подрывать, он в нее выстрелил, перо выбил. Он взял его в платочек завернул. Утром приносит к отцу, всю комнату осветил этим пером. Царь захотел, чтобы эту птицу сыновья ему достали, приказал цепи железные сделать — сделали. Собираются все три брата идти птицу отыскивать, все войско с собой взяли, и пошли они все трое.

Шли, шли по следу (как Усыня летела, кровь-то капала), пришли к огромному камню, тут и след исчез. Поднять его (камень) никак нельзя, очень велик. Вот они зарядили пушки, ядрами весь этот камень расстреляли. Видят: там вырыта яма. Вот Иван-царевич и говорит: «Если я, говорит, позвеню цепями, то вы и вытаскивайте!». Вот Иван-царевич спустился, а братья и все войско тут остались.

Увидал там Иван-царевич под землю, что там под землю и солнце, и месяц, и земля, и луга, все то же, что на земле. Только никого, кроме птиц, не видно; и видит: что-то очень светлеется вдали. Вот он пошел на этот свет и пришел к медному царству, у медного царства к воротам привязаны два льва. Эти львы такие злые, никого не пропускают. Поодаль их стоят два таза медных. Вот Иван-царевич почерпнул воды, дал им напиться. Они принялись эту воду пить, он и прошел. Входит он в это медное царство и

никого не видит, вошел в угольную комнату, а там шьет девушка в медных пяльцах; медные у ней ножницы — все у ней медное. Она ему и говорит: «Здравствуй, Иван-царевич!». — «Здравствуй, красная девица! Не знаешь ли, говорит, где тут живет птица Усыня?». — «Возьмешь меня замуж, так скажу, где Усыня живет!». — «Возьму, говорит». Вот она взяла все свое имущество, собрала в яичную скорлупу, отдала ему. «Ступай в серебряное царство. Назад пойдешь, за мной зайди, ты, говорит, на мне женись, если не женишься, пускай братья твои женятся».

Пошел он дальше, приходит к серебряному царству. У серебряного царства стоят львы: он дал им воды, они кинулись воду пить, он и прошел. Входит в серебряное царство, все комнаты прошел, а никого не видит. Пришел в угольную комнату, там сидит девица, прехорошенькая, вышивает в серебряных пяльцах, ножницы серебряные, наперсточек серебряный — все у ней серебряное. «Здравствуй, девица красная! Не знаешь ли, где Усыня живет?». — «Здравствуй, Иван-царевич! Возьмешь меня за себя замуж, я тебе скажу, где Усыня живет!». — «Возьму, говорит». Вот она все свое имущество собрала в яичную скорлупу, отдала Ивану-царевичу. «Ступай, говорит, в золотое царство. Назад пойдешь, за мной зайди, меня замуж возьми, за себя не возьмешь — за братьев отдай!».

Пошел он дальше и видит необыкновенный свет: глаза заслепило. Подходит он к золотому царству. У золотого царства стоят львы, никого не пропускают. Вот он дал им воды, они кинулись воду пить, он и прошел. Все комнаты прошел, никого не видит, пришел в угольную комнату, там сидит девица еще красивее. Он говорит: «Здравствуй, красная девица! Не знаешь ли, где тут птица Усыня?». — «Возьмешь меня замуж, так помогу тебе!». Дала она ему меч-кладенец. «Эта, говорит, птица Усыня — змей о 12 головах, он недавно прилетел подстреленный. Опять прилетит, попросит себе крепкой водки, а тебе велит дать слабой, я тебе дам крепкой, а ему слабой. И ты ему старайся в четыре раза все головы отсечь!».

Прилетает Усыня, сам с ноготь, борода с локоть, усы по земли тащатся, крылья на версту лежат. «Здравствуй, говорит, Иван-царевич! Теперь, говорит, мы с тобой посражаемся!». Одно крыло поднял, хотел ударить, Иван-царевич отшиб ему крыло, другое поднял, он и другое отшиб. Потребовал змей себе зелена вина сильного, а Иван-царевичу слабого; Ивану-царевичу подали сильного, а ему слабого. «Давай, говорит, Иван-царевич, с тобой сражаться!». Иван-царевич сразу отсек ему три головы. «Ах, Иван-царевич! Я устал!». Потребовал змей себе крепкой водки, а Иван-

царевичу слабой. Ивану-царевичу подали крепкой, а змею слабой. Стали сражаться. Иван-царевич опять ему три головы отсек. Змей опять запросил водки; Ивану-царевичу подали крепкой, а ему слабой. Опять Иван-царевич сшиб ему три головы. Змей в четвертый раз потребовал водки, снова стали сражаться; Иван-царевич ему последние три головы сшиб, самого разрубил пополам. Он, как дуб, упал на землю, умер.

Вот он взял двенадцатую голову, на копье надел, несет с собой, взял и девицу из золотого царства. Приходит к серебряному царству, взял с собой и эту, приходит к медному царству, взял и из медного царства девицу. Приходит к той яме, где он опустил. Сажает медного царства девицу на кресло и звенит цепями. Братья и стали цепи поднимать, вытащили. Видят такую красавицу, спор подняли, один говорит: «Я, говорит, на ней женюсь», другой говорит: «Нет, я!» . Она им и говорит: «Не спорьте, говорит, пожалуйста! Там, говорит, еще лучше меня есть!». Опустили цепи, села на эти цепи серебряного царства девица, вытащили ее. Братья опять спор подняли. Один говорит: «Я, говорит, на ней женюсь!». Другой говорит: «Нет, говорит, я на ней женюсь!». Она им и говорит: «Не спорьте, пожалуйста, там еще лучше меня есть!». Опустили цепи, села золотого царства девица. Позвенели цепями, братья стали поднимать. Вытащили, опять спор подняли. Она им и говорит: «Вы не спорьте, опускайте цепи: там есть еще ваш брат, Иван-царевич, вынимайте его». Опустили цепи, сел их брат на цепи, позвенел. Стали его поднимать, а Иван-царевич на копье голову змея держал. Испугались братья этой головы, думали, что змей, бросили его опять в яму, а эта яма была очень большая. Очень ушибся Иван-царевич, день лежал без памяти. А эти братья пошли домой с этими девушками, и говорят эти братья этим девушкам. «Если, говорят, вы не скажете, что мы убили этого змия, то увидите, что мы с вами сделаем!». Пришли к отцу, и хотят жениться на девицах золотого и серебряного царства.

Иван-царевич очнулся, гремел, гремел цепями — его не вынули. Пошел он дальше. Шел, шел. Нашла туча сильная, град, гроза сделалась. Иван-царевич шел дорогой и от холоду, от дождя залез на дуб. А там птички маленькие, только что вывелись, мокнут на дожде. Он взял и прикрыл их. Баба-птица летит и думает: «Теперь моих детей залило, они озябли!». Увидала эта Баба-птица, что Иван-царевич спас ее детей от дождя, от холоду. «Спасибо тебе, Иван-царевич! Если, говорит, хочешь, я тебя выведу на твою сторонку! Только, говорит, набей дичи всякой, ворон, галок, я ничем не брезгаю!». Набил он, может, пар 40 и невзначай ранил Бабу-птицу. Принес он ей дичи, увесил все на нее. «Садись, говорит, теперь ты на меня,

я тебя из этой ямы вынесу! Только, говорит, как я оглянусь, так и давай мне пару дичи! Если не дашь, я тебя уроню!». Сел он на нее, она понесла его так скоро... Он испугался, едва сидит. «Это, говорит, я за то тебя испугала, что ты меня подстрелил. Теперь не бойся!». Полетели; как она оглянется, так он ей и дает пару дичи, только вся дичь и вышла. А она оглянулась, Иван-царевич схватил ножик, вырезал себе икры, бросил Бабе-птице. Вынесла она его. «Иван-царевич! Слезай, говорит!». — «Да я не могу, говорит, слезать; у меня икр нет!». Она выхаркнула икры, дунула — к нему икра и приросла.

Поблагодарил он ее и пошел на свою сторону. Приходит к одной избушке, там сидит мужик, пьянствует. «Что, говорит, мне делать? Велели 12 пар башмаков для девицы серебряного царства сшить без мерки, если не потрафлю, повесят на виселице». Вот Иван-царевич нанялся к нему в работники, обещал сшить башмаки. Шить не шил, а вышел, взял серебряное яичко, говорит: «По щучьему веленью, по моему прошенью, явитесь из скорлупки 12 пар башмаков!». Сделался вдруг ветер, потом стих. Потом снова сделался ветер и принес 12 пар башмаков. Иван-царевич отдал хозяину башмаки, сам ушел от него. Принес хозяин башмаки, как по мерке сшиты!

А Иван-царевич пришел к другой избушке. Там мужичок сидит и плачет: «Где, говорит, я возьму золота золотую карету сделать?». Иван-царевич нанялся к нему в работники, обещал сделать золотую карету. Сам взял золотое яичко, говорит: «По щучьему веленью, по моему прошенью явитесь из скорлупки золотая карета и 12 пар платьев!». Таким же манером и явилось все. Иван-царевич отдал все это хозяину, а сам ушел. Этот мужичок привозит старшему царскому сыну карету. Девица из золотого царства и узнала, что это из ее царства карета, спрашивает мужичка: «Где ты взял эту карету?». — «Мне, говорит, такой-то человек делал!». Послали искать его — не могли никак найти.

А Иван-царевич узнал, где братья будут венчаться, сидит около церкви. И едут они к венцу, а этот Иван-царевич стал играть на флейточке и все выговаривает на языке того царства, из которого были эти девицы; они его понять могут, а прочие нет, и все выговаривает, как он Усыню доставал, как братья его уронили, все. А девица из золотого царства и говорит: «Папаша, говорит, прикажите, пожалуйста, остановиться; мне хочется послушать, что этот музыкант на флейточке играет!». А старший-то брат и говорит: «Вот еще, для всякой глупости нужно останавливаться». Хочется ему все

поскорее обвенчаться. Она и говорит: «Что же это, говорит, папаша! Если он теперь мне не хочет уважить, что же после будет, когда я выйду за него замуж?». Отец ему велел остановиться; остановились они. Она и говорит: «Папаша, ведь это Иван-царевич играет на флейточке!». Царь подозвал его, узнал, очень обрадовался. Ему все рассказали; сейчас Иван-царевич оделся в царское платье, поехал, повенчался с девицей золотого царства. Отец отдал ему половину царства. «А ты, говорит, что хочешь над братьями, то и делай!». Они стали у него прощенья просить, он и простил их. Они стали просить: можно ли им жениться? Он им позволил. Старший женился на девице из медного царства. Средний на девице серебряного царства, и стали жить да поживать.

(Село Мишино Зарайского уезда)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука".
Москва-Ленинград, 1964.